

Понятие культурно-исторической памяти в междисциплинарном дискурсе

Кристина Владимировна Филенко – преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин. Сибирский государственный индустриальный университет. Новокузнецк, Россия.

E-mail: k.w.filenco@inbox.ru

Аннотация. В статье анализируется культурно-историческая память в контексте междисциплинарного дискурса. Рассматриваются такие методологические подходы как Memory studies, cultural memory studies, Media memory. Особое внимание уделено онтологическому осмыслению памяти философами разных исторических эпох. Было введено понятие габитуса культурно-исторической памяти, которое позволило выявить социальные, исторические, политические нарративы памяти. В статье оценивается кризис методологических подходов в исследованиях памяти, вызванный современными условиями цифровизации исторических источников, памятников культуры. В результате возник научный дискурс с акцентом на исследовании медиализированных воспоминаний. Кроме того, в статье в контексте культурно-исторической памяти актуализируются вопросы политики памяти, а также исторической политики.

Ключевые слова: память, философия исторической памяти, историческая память, культурно-историческая память, габитус культурно-исторической памяти, Memory studies, cultural memory studies, Media memory.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ память представляет собой сложное и многоуровневое явление, охватывающее не только содержание памяти, но и механизмы ее формирования и сохранения. Общие вопросы изучения памяти, а также исследовательские практики, затрагивающие феномены коллективной, социальной, коммуникативной и культурной памяти, являются исследовательским полем «Memory Studies». Формирование данного научного поля в самостоятельную область знания приходилось на конец 1980-х – начало 1990-х гг. Это позволило сфокусировать в пределах социогуманитарного знания различные трактовки категории «память». Так, исследователями был очерчен круг вопросов идентичности, исторических нарративов, политики памяти, институтов памяти, мест памяти, практик забвения. В данном проблемном ракурсе рассмотрим ключевые аспекты осмысления памяти философами, историками, культурологами и другими исследователями.

Проблемное поле памяти впервые актуализировали древнегреческие философы Платон, Аристотель, сосредоточив внимание на его эпистемологическом смысле. В своих учениях античные философы проводят различия между понятиями «память», «воспоминание», «припоминание». Платон в диалоге «Филеб» определяет память как сохранение ощущения, способ записи внешних впечатлений, при этом философ неукоснительно ведет борьбу за то, что следует придать забвению, а что сделать областью припоминания. Припоминание для Платона – это закольцованное время, соединяющее в себе бытие «до» и «после», предшествование и опоздание, тем самым являясь духовной практикой приготовления к смерти.

Аристотель же рассматривает память через призму времени: «Память не есть ни ощущение, ни постижение, но приобретенное свойство или состояние чего-то из них по прошествии времени» (Аристотель 2004: 158).

Как и Платон, Аристотель в своих речах указывает на память, воспоминание и припоминание. Поскольку Аристотель избирает для себя временное пространство, то припоминание для него предстает в текущем моменте как возврат к уже постигнутому знанию или чувственному восприятию прежде.

Припоминание не является ни возвращением к воспоминанию о чем-то, ни первичным схватыванием о припоминании в собственном смысле можно говорить лишь по истечении времени, ибо припоминание теперь то, что увидели или пережили прежде (Аристотель 2004: 155).

Это говорит нам о том, что припоминание дополняет память, в то время как память сопутствует воспоминанию. Кроме содержательных характеристик памяти античные философы уделяли внимание искусству памяти. В своих речах Цицерон свидетельствовал, что задолго до рождения Платона Симонид Кеосский открыл искусство памяти, под которым подразумевал необходимость вспоминать образы единичных вещей благодаря расположению их в определенном порядке мест:

Для памяти важнее всего распорядок. Поэтому тем, кто развивает свои способности в этом направлении, следует держать в уме картину каких-нибудь мест и по этим местам располагать воображаемые образы запоминаемых предметов (Цицерон 1994: 310-311).

Обратившись к работам таких ученых, как Марта Нуссбаум и Пьер Нора, мы можем выделить ключевые аспекты культурно-исторической памяти: накопление и передача коллективного опыта, символический обмен, сохранение традиций и артефактов, которые способствуют формированию идентичности. В рамках своего исследования П. Нора задается вопросом: «В какой исторический момент создаются места памяти?». Отвечая на него, полагает, что места памяти рождаются и живут благодаря чувству, что спонтанной памяти больше нет, а значит – нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи, нотариально заверять акты, потому что такие операции не являются естественными (Нора 1999: 123). Учитывая структуру памяти (материальный уровень, символический уровень, функциональный уровень), П. Нора определил место памяти как всякое значимое единство материального или идеального порядка, которое воля людей или работа времени превратила в символический элемент наследия некоторой общности. При этом в исторической ретроспективе с прицелом на политический контекст может происходить конфигурация мест памяти. На подобное явление указывал и Б. Шенк,

определен место памяти как место в географическом, временном или символическом пространстве. Это «символическая фигура», и в зависимости от контекста ее употребления, передачи, присвоения и восприятия она может исчезнуть из коллективной памяти (Les sites... 2007: 205).

Исходя из культурно-исторической ретроспективы, вопрос памяти трансформируется, если иметь в виду отпечаток конкретной эпохи. Так, средневековые философы в понятие «память» вкладывали определенный сакральный смысл, отражающий сущность бытия. В работе «Исповедь» для Аврелия Августина память, обращенная к прошлому, является печатью греха, символом утраченного блаженства:

Память есть сама душа в той мере, в какой она способна знать, открывая и обретая себя в каждом предмете знания, по этой же причине память в любом своем действии есть обращение к Богу и исповедь (Августин 1991: X, 3,4).

Отталкиваясь от опыта античных философов, Августин Блаженный выделяет в памяти различия двух начал – памяти и припоминания. Тем самым, поднимается вопрос сохранения прошлого и воспроизведения этого прошлого, особой активности души в поиске прошлого. Между тем Аврелий Августин не только обобщает воззрения Платона и Аристотеля о символах памяти (память об идеальных предметах, ассоциативные воспоминания, распределение образов в системе мест), но и дополняет новыми категориями (память о будущем, память о душевных состояниях), что, несомненно, придает средневековой концепции важное значение, а значит, имеется веский повод для ее истолкования. Таким образом, для средневековых философов *Memoria* (память) является предустановленной истиной, записанной в Священном Писании и земной истории. Отсюда происходит переплетение истории жизни средневекового человека с историей спасения как своеобразный способ поиска себя в пространстве бытия.

Совершенно иной подход применяется в новоевропейской философии. Стремление философов отойти от мощного религиозного влияния сказалось и та направленности в осмыслении феномена

памяти. Так, для Дж. Локка память существует без воспоминаний, где важным является любой момент настоящего, в котором должно произойти осмысление события, чтобы в дальнейшем быть воспроизведенным в качестве прошлого. В воззрениях Дж. Локка это преподносится как «повторять идею прошлого действия с тем же самым сознанием о нем, какое у него было сначала, и с тем же самым сознанием о всяком теперешнем действии» (Локк 1985: 387). Как видим, сознание памяти есть особая мера души, находящая для себя в памяти место осуществления и действия, отправную точку, связывающую чувственный опыт в единое пространство и осознание этого единства в собственной идентичности.

Так или иначе, вопросы памяти связаны с процессом познания. Но если для античных философов это было отправной точкой для осмыслиения и построения концепций, то новоевропейская философия в лице Дж. Локка предлагает память взять в качестве максимы бытия знания и знающего, поскольку мир идей образует поток внешних воздействий. Для утверждения Я в этом потоке требуются личные усилия и интуиция, которые были бы невозможны, если первоначально не были бы основой бытия и не определяли бы траекторию деятельности человека.

В свою очередь, отталкиваясь от идеалистической картины мира, И. Кант придает памяти эмпирический характер. По мнению И. Канта, память обладает способностью свободно обращаться к тому или иному событию, но только в условиях времени. Новые аспекты памяти и припоминания в немецкой философии представлены в работе И.Ф. Гегеля «Феноменология духа». По мнению философа, только пробуждение и раскрытие сознания в феноменологии позволяет перейти к воспоминанию и памяти как развитой привычке и сознательной деятельности. Припоминание (*Erinnerung*) открывает дух познанию себя, делая предметом его прошлое, то есть выступает неким способом воспроизведения. Гегель объясняет, что предназначение памяти не в сохранении прошлого, т.к. оно и так нас повсюду окружает в виде памятных мест, в традициях, обычаях, привычках, что способствует формированию национальной идентичности, принципов, убеждений. С его точки зрения, память необходима в качестве своего рода индикатора между прошлым и настоящим, который позволяет фильтровать груз прошлого. В «Философии духа»

Гегель это свойство определяет как суждение памяти, которое отличает настоящее от прошлого и устанавливает границу самого настоящего как прошлого для будущего, как места, в котором должно открыться и состояться нечто новое (см.: Шевцов 2018: 225). Тем самым, суждение памяти не просто фиксирует прошлое как единичность произошедшего события, но и дифференцирует настоящее на множественные элементы, а их соединение дает эффект всеобщности памяти.

Для сравнения отметим, что Э. Гуссерль объясняет стремление помнить через процесс хабитуализации, где габитус есть конкретное сознание Я, способное возвращаться к принятым решениям или отказываться от прежних убеждений (Гуссерль 1998: 146-148).

Применительно к культурно-исторической памяти концепция габитуса, предложенная П. Бурдье, позволяет осветить взаимосвязь между индивидом и социальными структурами. Культурно-историческая память формируется не только через индивидуальный опыт, но и через габитус, который обуславливается социальной средой. Габитус включает в себя не только привычки, но и культурные нарративы, используемые коллективным сознанием для осмыслиения своей истории. Культурно-историческая память становится частью габитуса, воздействующего на сознание и поведение индивидов. Габитус может быть как поддерживающим, так и изменяющим культурно-историческую память. С одной стороны, он способствует сохранению традиций и воспоминаний о прошлом. С другой стороны, изменение социальных условий может привести к переосмыслинию культурно-исторической памяти, изменению взглядов на идентичность. В этом контексте габитус можно рассматривать как механизм, через который память адаптируется к новым реалиям. Таким образом, габитус как концепция предоставляет уникальную перспективу для понимания механики культурно-исторической памяти. Он показывает, как социальные, культурные и исторические факторы взаимодействуют, формируя представления людей о своем прошлом и настоящем.

На современном этапе развития философского знания выявлены новые аспекты изучения культурно-исторической памяти. Так, по инициативе журнала «Вопросы философии» и сотрудников Государственного академического университета гуманитарных наук состоялся круглый стол «Индивидуальная и коллективная память в

кон-тексте современных социальных трансформаций», участники которого обсуждали проблемы индивидуальной и коллективной памяти. Основными темами для обсуждения стали:

- (1) индивидуальная и коллективная память: старые проблемы и новые вызовы (Лекторский В.А.),
- (2) феномен коллективной памяти на пересечении философско-методологических установок (Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г.),
- (3) мемориальный феномен и кризис исторического сознания модерна (Федорова М.М.),
- (4) коллективная память и поколенческий разрыв (Романова А.П.),
- (5) культурная память как нарративный феномен: герменевтические аспекты (Сабанчеев Р.Ю.),
- (6) исторический прогресс и культурная память: о парадоксах идеи прогресса (Емельянов В.В.),
- (7) политика памяти и травмы коллективной памяти в условиях секьюритизации (Емельянова Н.Н.) и др. (Индивидуальная и коллективная память... [www](#)).

Таким образом, в философии был определен новый виток в методологических подходах при изучении культурно-исторической памяти. *Во-первых*, проблематика культурной памяти как коллективного, так и индивидуального феномена требует культурно-исторического осмысления. *Во-вторых*, соотнесение понятий «память» и «нарратив» следует рассматривать через призму противоречивых идеологических процессов, таких, например, как переписывание истории, навязывание новых исторических «стереотипов», «героизация прошлого» и культивирование новых героев современности. *В-третьих*, политика памяти, травмы памяти являются основанием для программ обеспечения культурной безопасности государства. При этом должен функционировать механизм передачи культурно-исторической памяти последующим поколениям.

Между тем с точки зрения истории, культурно-историческая память вовлекает в исследование источники не только письменные, но и устные. Историки анализируют, как различные события формируют память целых народов, а также как эта память может подвергаться трансформациям в зависимости от исторического контекста. Для этого важным становится понятие «представления о прошлом»,

которое позволяет осмыслить, как память «абсорбирует» идеологические и политические элементы бытия.

В пределах концепции «Memory studies» (мемориальный поворот в исторической науке) появились исследовательские стратегии, основанные на теоретико-методологических идеях М. Хальбвакса, П. Нора, Я. Ассмана, А. Ассман и других о том, что представления о прошлом пересоздаются каждым поколением в процессе социальной коммуникации (см.: Артамонов, Тихонова 2022: 76). Учитывая влияние политической сферы общества на научную среду в первые десятилетия XXI в. сложился категориальный аппарат «Memory studies», основанный на взаимодополняющих концептах: «политика памяти», «историческая политика», «символическая политика». Осознавая необходимость новых методологических подходов в исторической науке, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук Л.П. Репина на круглом столе в Институте всеобщей истории РАН обозначила следующую проблематику: «Культурный поворот и трансформация познавательных возможностей исторической науки». В своем докладе Л.П. Репина рассматривает память в контексте культуры с учетом принципа различия и многообразия культур, поскольку в разных культурах степень востребованности прошлого, как и характер презентации различается (Репина 2013: 196). При этом историческая наука является собой одну из форм культурной памяти. Отсюда для профессионального сообщества «история – часть памяти, только один из способов, как мы обращаемся с прошлым. История может приходить в конфликт с памятью, с политическими версиями прошлого» (Бёрк 2016: 55). Однако Л.П. Репина показывает взаимосвязь исторической памяти с социальными, политическими и культурными установками отдельного государства в условиях сегодняшнего дня. В этой связи автор доклада выстраивает градацию исследовательского поля, где выделяет компоненты по меньшинству: «историческая наука», «коллективная память», «память культуры». В таком контексте культурно-историческая память обладает более широким спектром для изучения прошлого человечества (Репина 2013).

С другой стороны, память через призму культурологии рассматривается в контексте методологического подхода *cultural memory studies*. Культурология предлагает глубокий анализ того, как память соотносится с культурными процессами и экзистенциональными

вопросами бытия. Особый вклад в развитие теории культурной памяти внесли Я. Ассман, А. Ассман, А. Эрл, Э. Ригней и др. Понятие «культурная память» было обосновано в работах Я. и А. Ассман. В своих исследованиях немецкие авторы сопоставляют различные виды памяти, при этом выделяя надиндивидуальный уровень культурной памяти. Как Ян и Алейда Ассман, так и Астрид Эрл указывают на обобщающий характер культурной памяти по отношению ко всем остальным видам памяти. Ян Ассман отмечает, что культурная память есть

общее понятие, применяемое для обозначения всех знаний, которые определяют действия и переживания людей в специфическом пространстве интерактивных действий какого-либо общества, используемые много-кратно от поколения к поколению как средство обучения и тренировки (воспитания) (Assman 1988: 9).

В результате некоторого кризиса методологической концепции *Memory studies* исследования культурно-исторической памяти были трансформированы в новый методологический конструкт *Media Memory*, который рассматривает память в цифровой эпохе. Поэтому немецкий культуролог Астрид Эрл включает в культурную память

медиа, практики, структуры, столь же разнообразные как миф, монументы, историография, ритуалы, устные воспоминания, конфигурации культурного знания, нейронные сети...взаимная игра настоящего и прошлого в социокультурных контекстах (Erl 2008: 1-2).

В этой связи культурная память (культурно-историческая память) представляет трансдисциплинарный феномен, адаптированный к современным условиям информационного пространства.

Таким образом, концепт культурно-исторической памяти в междисциплинарных исследованиях служит важным инструментом для анализа различных аспектов человеческой жизни и культуры. Он предлагает богатую почву для дальнейших исследований, комбинируя различные методологии и исследовательские подходы. При этом всегда следует учитывать, что в исследованиях культурно-исторической памяти важным звеном является гносеологический субъект, который обладает свободным выбором в интерпретации собственного

прошлого и трансляции нарративов исторических событий и явлений, в том числе и тех, которые его окружают в повседневной жизни.

Список источников

Августин А. Исповедь / пер. с лат. М.Е. Сергеенко. М.: Ренессанс, СП ИВО-СиД, 1991. 335 с.

Аристотель. О памяти и припоминании / пер. и прим. С.В. Месяц // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 158-169.

Артамонов Д.С., Тихонова С.В. Политика памяти в интернет-мемах: от визуализации истории к фейкам // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 75-87. DOI: 10.17976/jpps/2022.05.06

Бёрк П. Что такое культуральная история? / пер. с англ. И. Полонской; под науч. ред. А. Лазарева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 240 с.

Индивидуальная и коллективная память в контексте современных социальных трансформаций (материалы «круглого стола»). Сб. статей в журнале «Вопросы философии. 2019-2020». URL: <https://pq.iphras.ru/issue/view/280> (дата обращения: 13.12.2024)

Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука; Ювента, 1998. 315 с.

Локк Дж. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. М.: Мысль, 1985. 627 с.

Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память / пер. с фр. Д. Хапаевой; науч. конс. пер. Н. Копосов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17-51.

Репина Л.П. Память о прошлом в пространстве культуры // Диалог со временем. 2013. Вып. 43. С. 190-198.

Цицерон. Эстетика: Трактаты. Речи. Письма. М.: Искусство, 1994. 543 с.

Шевцов К.П. Философия памяти. СПб.: Изд.-во РХГА, 2018. 408 с.

Assman J. Kollektives Gedächtnis und kulturelle Identität // Kultur und Gedächtnis. Frankfurt a. М.: Suhrkamp, 1988. Р. 9-19.

Erl A. Cultural Memory Studies: an Introductions // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook. Berlin, DEU: Walter de Gruyter, 2008. 449 p.

Les sites de la memoire russe. T. 1: Geographic de la memoire russe. Sous la direction de Georges Nivat. Paris: Fayard, 2007. 850 p.

The concept of cultural-historical memory in interdisciplinary discourse

Kristina V. Filenko – Lecturer at the Department of Social and Humanitarian Disciplines. Siberian State Industrial University. Novokuznetsk, Russia.

E-mail: k.w.filenko@inbox.ru

Abstract. The article analyzes cultural and historical memory in the context of interdisciplinary discourse. Methodological approaches such as Memory studies, cultural memory studies, and Media memory are considered. Special attention is paid to the ontological understanding of memory by philosophers of different historical eras. The concept of the habitus of cultural and historical memory was introduced, which made it possible to identify the social, historical, and political narratives of memory. The article evaluates the crisis of methodological approaches in memory research caused by modern conditions of digitalization of historical sources and cultural monuments. As a result, a scientific discourse has emerged with an emphasis on the study of medialized memories. In addition, in the context of cultural and historical memory, the article actualizes the issues of memory policy, as well as historical policy.

Key words: memory, philosophy of historical memory, historical memory, cultural and historical memory, habitus of cultural and historical memory, Memory studies, cultural memory studies, Media memory.

References

Augustin, A. (1991) *Confession*. Moscow, Renaissance, SP IVO-SiD. 335 p.

- Aristotle (2004) On Memory and Recollection. *Questions of Philosophy*. No. 7. P. 158-169.
- Artamonov, D.S., Tikhonova, S.V. (2022) Politics of memory in Internet memes: from visualization of history to fakes. *Polis. Political studies*. No. 5. P. 75-87. DOI: 10.17976/jpps/2022.05.06
- Burke, P. (2015) *What is cultural history?* Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics. 240 p.
- Individual and collective memory in the context of modern social transformations (materials of the round table). Collection of articles in the journal «*Questions of Philosophy. 2019-2020*». URL: <https://pq.iphras.ru/issue/view/280> (date of application: 13/12/2024)
- Husserl, E. (1998) *Cartesian Reflections*. St. Petersburg, Science; Juventa Publ. 315 p.
- Locke, J. (1985) *Collected works*. In 3 vol. T. 2. Moscow, Mysl Publ. 627 p.
- Nora, P. (1999) Problematics of Places of Memory. In: Nora P., Ozouf M., Puimege J., Vinok M. *France-memory*. St. Petersburg, Publishing house of St. Petersburg University. 333 p.
- Repina, L.P. (2013) Memory of the Past in the Space of Culture. *Dialogue with Time*. Is. 43. P. 190-198.
- Cicero (1994) *Aesthetics: Treatises. Speeches. Letters*. Moscow, Art Publ. 543 p.
- Shevtsov, K.P. (2018) *Philosophy of Memory*. St. Petersburg, Publishing House of the Russian Academy of Arts. 408 p.
- Assman, J. (1988) *Collective memory and cultural identity. Culture and memory*. Frankfurt a. M, Suhrkamp Publ. P. 9-19.
- Erl, A. (2008) Cultural Memory Studies: an Introductions. In: *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin, DEU, Walter de Gruyter Publ. 449 p.
- Les sites de la memoire russe* (2007) T. 1: *Geographic de la memoire russe*. Sous la direction de Georges Nivat. Paris, Fayard. 850 p.

Статья поступила 11.10.2024
Принята к публикации 27.12.2024